

Ло Юй на инвалидной коляске подъехал к ванной, достал оттуда совершенно новое полотенце и выплюнул воду, которую до этого держал во рту. Обернувшись, он остановил взгляд на спящем юноше. Глупец. Кто сказал, что то, что берешь в рот, обязательно нужно глотать? Глотание может быть лишь притворством. Но этот красноглазый кролик, добровольно последовавший за ним в волчье логово, даже не осознал этого. В сердце Ло Юя всколыхнулась капля бесполезной жалости. Она отразилась на его лице, переплетаясь с недоумением, отчего он нахмурился. Как можно быть настолько легковверным? Неужели он действительно ему поверил? Ло Юй подумал, что парень, должно быть, забыл, кто именно когда-то довел его до такого жалкого состояния.

Он объехал вокруг юноши и остановил коляску перед диваном. Несмотря на то что Ло Юй находился за границей, он всегда держал людей, следящих за юношей на родине. Несколько месяцев назад, когда тот вынашивал свой смехотворный план, Ло Юй знал об этом до мельчайших деталей. Он не стал разоблачать его, а вместо этого подбросил в игру свою маленькую пешку. Его целью было заставить противника страдать, а еще лучше — чего-то лишиться. Например, жизни. Кто бы мог подумать, что парень окажется таким везучим: не только выжил, но и вернулся целым и невредимым, в то время как погиб совершенно посторонний человек. Какая жалость.

Выражение сожаления на лице Ло Юя усилилось, и он посмотрел на юношу почти с сочувствием. Вернувшись в страну, он намеревался расправиться с ним лично, но, увидев Цзян Чжао, внезапно передумал. Его не было семь лет, и за это время в юноше словно произошли колоссальные перемены, или же они случились совсем недавно. Эти изменения заставили его изменить планы.

На самом деле Ло Юй был в замешательстве. В его памяти Цзян Чжао оставался бестолковым и избалованным мажором, у которого, кроме смазливового лица и громкой фамилии, не было ничего за душой. Тот Цзян Чжао, которого он увидел сегодня, был другим. Единственное, что их объединяло — это глупость, такая беспросветная, что тот доверился такому человеку, как он. В остальном Ло Юй поверил бы, если бы ему сказали, что это два разных человека. Цзян Чжао семилетней давности был глупым, высокомерным, наглым, самовлюбленным и завистливым. Цзян Чжао нынешний остался таким же глупым, но остальные эпитеты к нему больше не подходили. Он стал робким, нежным, красивым и наивным. Столь разительная перемена превратила его из мерзкой гиены в упитанного белого кролика, чьи покрасневшие глаза смотрели на него с таким обиженным и жалким видом, что вызывали жалость.

Ло Юй уже плохо помнил, каким именно был юноша раньше — воспоминания подернулись дымкой. Единственное, что осталось четким — это боль от падения с лестницы и ненависть, продолжавшая бродить в душе. Он опустил взгляд, долго и холодно глядя на Цзян Чжао. Юноша так и не подстригся, словно совсем забыл об этом. Волосы на затылке были достаточно длинными, чтобы собрать их в маленький хвостик, похожий на кроличий, но он этого не сделал, оставив их распущенными. Черные пряди скрывали большую часть лица, лишь кое-где проглядывала ослепительно белая, как фарфор, кожа. Волосы закрывали верхнюю часть лица, оставляя на виду лишь изящный, заостренный подбородок и пересохшие губы.

Взгляд Ло Юя постепенно сфокусировался на этих губах. Они были пухлыми, идеальной формы, нежно-розового, здорового цвета. На верхней губе красовался едва заметный бугорок, напоминающий вершину горы, к которой хочется взобраться. Нижняя губа была слегка

втянута, словно он сам прикусывал этот крошечный, почти забытый всеми бугорок.

Словно под гипнозом, Ло Юй протянул руку, но, когда его пальцы, покрытые легкими мозолями, почти коснулись юноши, он внезапно замер. Что он делает? Как в его голове могли возникнуть подобные мысли по отношению к такому ненавистному человеку, как Цзян Чжао? Ло Юй нахмурился, его лицо помрачнело, словно небо перед грозой, полное гнева и молний. И все же, лишь на мгновение помедлив, он коснулся юноши.

В конце концов, это не имело значения. Юноша спит, и никто, кроме него самого, не узнает об этом. Не стоит ломать голову над тем, что невозможно понять, — точно так же, как тогда он не понимал, зачем Цзян Чжао сделал то, что сделал, но все равно запомнил его имя, чтобы однажды уничтожить. Позже он понял, что это чувство называется ненавистью. Он должен ненавидеть Цзян Чжао.

Губы оказались невероятно мягкими. Поразительно мягкими, словно десерт вроде пудинга или тарталетки. Очень... мягкими, и он не мог подобрать другого слова. Интересно, если поцеловать их, ощущения будут такими же? Будут ли они сладкими? Размышляя об этом, Ло Юй чуть сильнее надавил подушечкой пальца.

Юноша выдохнул горячий воздух, который осел на пальцах Ло Юя, увлажняя их и заставляя чувствовать себя так, будто они погрузились в теплую трясину. В полусне Цзян Чжао инстинктивно обхватил его руку губами. Ло Юй долго оставался в этой позе, прежде чем отстраниться. Палец так долго пробыл во рту юноши, что при расставании раздался тихий звук «чмок», словно это сам юноша поцеловал воздух.

Ло Юй почувствовал досаду: ведь юноша держал его руку, так почему же этот легкий поцелуй достался воздуху? Словно почувствовав, что на него слишком долго смотрят, Цзян Чжао заворочался во сне, беспокойно дергая руками и ногами. На лбу выступили капли холодного пота, а нежно-розовые губы вмиг побелели — возможно, ему приснилось что-то ужасное. Но Ло Юй остался равнодушен.

<http://bllate.org/book/18611/1791925>